



Лилия Тимолаева

МАЧЕХА
— для —
ДРАКОНЬЕГО
БАСТАРДА

Дом, где меня не ждали

Лилия Тимолаева

Мачеха для драконьего бастарда. Дом, где меня не ждали

<https://litres.ru/74220852>

Аннотация

Меня звали не Мирана. Я не была женой северного лорда. И точно не собиралась подписывать добровольный отказ от собственной жизни.

Но в новом мире всё уже решили за меня: муж молчит, Совет требует послушания, а красивая соперница почти заняла моё место.

Меня отправляют в Северный дом — туда, где живут непризнанные дети с драконьей кровью. Дом, откуда женщины не возвращаются. Дом, который сам выбирает: хозяйка ты или жертва.

Только они ошиблись.

Я не стану удобной ссыльной женой. Не брошу детей, которых все считают лишними. Не отдам мальчика, в чьих глазах — та же драконья кровь, что у моего мужа.

И если этот дом ждёт настоящую хозяйку... что ж, я уже пришла.

Содержание

Глава 1. Дом, где меня не ждали	4
Глава 2. Бастард у ворот	24
Глава 3. Очаг проснулся	54
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1. Дом, где меня не ждали

— Подпишите добровольный отказ, леди Грайв. Так будет приличнее для всех.

Перо лежало передо мной на тёмной столешнице. Тонкое, с серебряным наконечником, острое, будто маленький нож. Рядом белел лист с ровными строками, и внизу уже было оставлено пустое место для подписи.

Моей подписи.

Только я не знала, кто такая леди Грайв.

Я не знала ни этого зала с высокими окнами, ни людей за длинным столом, ни собственного платья, тяжёлого, тёмно-синего, расшитого серебром у рукавов. Я не знала тонких пальцев, лежавших на подлокотниках кресла. Не знала кольца на безымянном пальце — холодного, широкого, с чёрным камнем, внутри которого будто тлела слабая искра.

Зато прекрасно понимала одно: все в этом зале уже решили мою судьбу.

И ждали только, когда я покорно поставлю точку.

— Леди Мирана, — произнёс мужчина напротив.

Голос у него был ровный, сухой, без злости. От этого становилось хуже. Так говорят не с живым человеком, а с вещью, которую пора убрать с дороги.

Мирана.

Значит, теперь меня звали так.

Я медленно подняла голову. За столом сидели шестеро. Все в тёмных одеждах, с одинаково неподвижными лицами и одинаковым выражением людей, уверенных в своём праве судить. Старики, мужчины средних лет, одна женщина с серебряной цепью на груди. На стене за ними висел огромный герб: раскрытое драконье крыло над горящим очагом.

Я не успела испугаться. Страх пришёл бы позже, когда останется время. Сейчас же внутри было слишком пусто, как бывает в первые секунды после удара.

— Я вас слушаю, — сказала я.

Голос оказался чужим. Ниже, мягче моего прежнего, но в нём дрогнула только самая малая нотка. Хорошо. Значит, я ещё могла держаться.

Мужчина с тонкими губами чуть прищурился, будто не ожидал ответа.

— Мы говорим уже почти час, леди Грайв. Совет рода не станет повторять всё сначала.

Почти час.

Значит, до меня здесь была другая женщина. Настоящая Мирана. Жена, которую сейчас, судя по всему, выталкивали из жизни собственного мужа.

Я заставила себя не смотреть вниз на бумагу. Сначала — лица. Потом — двери. Потом — тот, кто здесь главный.

Он сидел справа от меня.

Дариан Грайв.

Имя всплыло само, чужой памятью, короткой и острой.

Северный лорд. Глава рода. Дракон.

Мой муж.

Он не был похож на человека, рядом с которым можно искать защиты. Высокий, широкоплечий, в чёрном камзоле без лишних украшений, он сидел неподвижно, сцепив пальцы на столе. Тёмные волосы были убраны назад, лицо — красивое и жёсткое, как вырезанное из камня. На виске тонкой линией шёл серебристый след, похожий на старый ожог, только в этом мире он наверняка означал что-то другое.

Дариан смотрел не на меня.

На Совет.

На бумагу.

На свои руки.

Куда угодно, только не мне в лицо.

И именно это почему-то резануло сильнее, чем слова чужого мужчины напротив.

— Тогда повторите главное, — попросила я. — Раз уж от меня ждут подписи.

В зале стало тише.

Кто-то негромко втянул воздух. Женщина с цепью недовольно поджала губы. А справа от Дариана едва заметно шевельнулась та, кого я заметила не сразу.

Ровена Тарр.

Её имя тоже всплыло само, вместе с неприятным ощущением: опасность.

Она стояла не за столом, а чуть позади Дариана, у окна. В

светлом платье, слишком спокойная для чужого семейного суда. Высокая, безупречно собранная, с гладкими тёмно-рыжими волосами и тонкой улыбкой, которая появлялась лишь тогда, когда на неё никто не смотрел прямо.

Но я смотрела.

И улыбка исчезла.

— Вы хотите услышать то, что давно известно всему роду?

— спросила женщина с цепью.

— Я хочу услышать, что именно вы предлагаете мне подписать.

Старший из Совета, тот самый сухой мужчина, положил ладонь на документ.

— Добровольное согласие на перевод из главного поместья Грайв в Северный дом очага.

— Перевод? — повторила я.

Слово звучало почти вежливо. Даже заботливо. Как будто мне предлагали переехать в летнюю усадьбу, а не вычеркнуть из жизни.

На этот раз ответил другой советник, круглолицый, с тяжёлыми перстнями на пальцах:

— Старый дом при северной границе. Формально он принадлежит роду Грайв. Там содержатся дети с драконьей кровью, не принятые в основные ветви рода.

Дети.

С драконьей кровью.

Не принятые.

Я медленно перевела взгляд на Дариана. Он всё ещё молчал, но на слове «дети» его пальцы сжались сильнее. Костяшки побелели. Едва заметно, но я заметила.

Значит, там было что-то важное.

— Вы хотите отправить жену главы рода в дом для ненужных детей? — спросила я.

Ровена тихо опустила ресницы. Не смех, нет. Но почти.

Старший советник сделал вид, что не заметил моей формулировки.

— Мы хотим сохранить достоинство рода. Ваш брак с лордом Грайв не принёс ожидаемого результата.

Очень удобно сказано.

Не «вы несчастливы». Не «вас предали». Не «вас больше не хотят видеть рядом». А «не принёс результата».

— Какого именно? — спросила я.

Теперь на меня посмотрел Дариан.

Впервые.

Серые глаза, почти стальные, встретились с моими, и зал будто стал уже. В этом взгляде не было нежности. Не было даже раздражения. Только усталость человека, который давно решил не вмешиваться, потому что любое чувство для него — слабое место.

Но за этой усталостью что-то мелькнуло. Коротко, как искра под пеплом.

— Мирана, — произнёс он низко. — Не нужно.

Всего два слова.

Не «остановитесь». Не «она моя жена». Не «Совет зашёл слишком далеко».

Не нужно.

Мне.

Как будто это я сейчас создавала неудобства.

В груди поднялось что-то горячее, но я не дала этому вырваться. Не здесь. Не перед этими людьми, которые только и ждали слёз, крика, мольбы — любого доказательства, что меня можно убрать и потом вспоминать с досадой.

Я повернулась обратно к советникам.

— Нет, лорд Грайв. Думаю, как раз нужно.

В углу кто-то кашлянул. Ровена чуть склонила голову, будто ей стало любопытно.

Старший советник неохотно продолжил:

— Вы не сумели занять положение рядом с супругом. Не укрепили связи рода. Не проявили должной гибкости в вопросах дома и союзов. Ваше присутствие в главном поместье стало источником напряжения.

— Моё присутствие? — Я провела пальцами по краю стола, чувствуя гладкое дерево. — Или чьё-то желание видеть это место свободным?

На этот раз Ровена улыбнулась открыто. Красиво, почти мягко.

— Леди Грайв, не стоит искать врагов там, где есть только последствия ваших собственных ошибок.

Голос у неё был приятный. Тёплый. Именно таким голо-

сом можно поднести яд в золотой чаше и заставить человека поблагодарить.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— А вы здесь в качестве кого?

Вопрос был простой. Неприлично простой для этого зала.

Дариан резко поднял глаза.

Ровена не смутилась.

— Я представляю дом Тарр, который много лет поддерживает род Грайв.

— За спиной его главы?

Она медленно выпрямилась. Улыбка стала тоньше.

— Рядом с ним.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и за эти секунды я поняла достаточно. Эта женщина уже примерила на себя моё место. Не в мечтах, не в надежде, а почти официально. Она стояла рядом с Дарианом не случайно. Ей позволили стоять.

А мне предлагали подписать бумагу и исчезнуть.

— Совет не обсуждает личные чувства, — сухо вмешался старший. — Мы обсуждаем порядок. Вам будет предоставлен экипаж, сопровождение, право взять личные вещи и двух слуг. В Северном доме вам выделяют покои хозяйки.

— Хозяйки? — Я не удержалась от усмешки. — То есть меня не изгоняют. Мне дают должность?

— Формально — да.

— А по сути?

Тишина снова легла на зал.

Я видела, как советники переглянулись. Они привыкли к другой Миране. Наверное, та плакала. Или молчала. Или пыталась угодить. Я не знала её и не могла осуждать. Может быть, она слишком долго жила среди этих стен, чтобы помнить, как звучит собственный голос.

Но я только что получила её жизнь. И, кажется, если сейчас не ухвачусь за край, меня утянут туда, откуда не возвращаются.

— По сути, — произнёс круглолицый советник, — это шанс сохранить ваше имя и не доводить дело до полного разрыва.

Вот оно.

Развод. Изгнание. Позор.

Все слова здесь были обёрнуты в бархат, но под ним чувствовался металл.

Я снова посмотрела на документ. Строки ещё слегка расплывались перед глазами, но отдельные слова выхватывались сами: «добровольно», «без претензий», «права распоряжения ограничены», «по решению Совета», «северная территория», «дети младших ветвей».

И ещё одно: «без права возвращения без письменного разрешения главы рода».

Я подняла глаза на Дариана.

— Вы это уже подписали?

Он задержал ответ. Не слишком долго, но достаточно,

чтобы я всё поняла раньше, чем он произнёс:

— Да.

Одно слово.

Спокойное. Окончательное.

Зал качнулся не по-настоящему, а где-то внутри. Я вцепилась пальцами в подлокотник и заставила себя остаться на месте. Чужое тело слушалось плохо, но гордость, похоже, была моя собственная.

Хотелось спросить: «За что?»
Хотелось бросить бумагу ему в лицо.
Хотелось потребовать объяснений, которые, возможно, были нужны настоящей Миране гораздо больше, чем мне.

Но передо мной сидели люди, которые уже решили, что я слабая.

И я не собиралась дарить им подтверждение.

— Хорошо, — сказала я.

Ровена моргнула первой.

— Простите? — переспросила женщина с цепью.

— Я сказала: хорошо. Я уеду в Северный дом.

Дариан едва заметно повернулся ко мне. На его лице ничего не изменилось, но в глазах появилось то самое напряжение, которое он до сих пор держал под замком.

— Ты понимаешь, что подписываешь?

Теперь он говорил со мной, а не с Советом.

Поздно.

— А вы понимаете, что уже подписали? — спросила я ти-

хо.

Ответа не последовало.

Вот и всё.

Я взяла перо. Оно было непривычно тяжёлым, пальцы не сразу легли правильно. На миг меня накрыла странная слабость: не моя жизнь, не моё имя, не мой муж, не мой мир. Но унижение было настоящим. И выбор тоже.

Если мне дают ссылку, я превращу её в место, где смогу дышать.

Если меня отправляют к тем, кого не хотят видеть, значит, там хотя бы не придётся улыбаться тем, кто предал за столом.

Я поставила подпись.

Мирана Лосс Грайв.

Чернила блеснули влажной линией. Советники расслабились почти одновременно, будто я сняла с них тяжёлую обязанность быть осторожными.

Ровена подошла ближе. Не ко мне — к Дариану. Остановилась рядом с его креслом, чуть позади, как женщина, которая знает, где ей позволено стоять.

— Разумное решение, — произнесла она. — Север иногда помогает привести мысли в порядок.

— Вам помог? — спросила я, не глядя на неё.

В зале снова стало слишком тихо.

Ровена склонила голову.

— Я никогда не оказывалась там в положении наказанной жены.

— Значит, опыта у вас нет.

У кого-то из младших советников дрогнули губы. Дариан смотрел на меня так, словно впервые видел не просто свою супругу, а человека, который умеет кусаться без крика.

Ровена же не рассердилась. Это было бы слишком просто. Она только мягко улыbnулась, и от этой мягкости по коже прошёл неприятный холодок.

— Надеюсь, вы сохраните это остроумие, леди Грайв. В старом доме оно может пригодиться.

— Мне пригодится многое.

— Особенно терпение.

Я отложила перо.

— С ним у меня сегодня как раз хорошо.

Старший советник поднялся, давая понять, что заседание окончено.

— Отъезд завтра на рассвете. До этого времени вам следует собрать вещи. Лорд Грайв, распоряжения по сопровождению уже переданы.

Дариан кивнул.

Опять без возражений.

Я тоже поднялась. Платье оказалось тяжелее, чем казалось, подол потянул вниз, но я удержалась ровно. Важно было пройти до двери без спешки. Не оглянуться. Не дать им увидеть, как дрожат пальцы.

Но Дариан поднялся следом.

— Мирана.

Я остановилась, хотя не хотела.

Советники начали выходить боковой дверью. Ровена осталась у окна, делая вид, что рассматривает перстень на руке. Очень удобная деликатность: достаточно далеко, чтобы не вмешиваться, и достаточно близко, чтобы слышать каждое слово.

— Что? — спросила я.

Дариан подошёл не сразу. Между нами осталось расстояние в несколько шагов, и почему-то оно ощущалось не пустотой, а стеной.

— Северный дом не похож на главное поместье.

— Я уже поняла, что это не награда.

Его челюсть чуть напряглась.

— Там сложное место.

— Сложное — это когда жену обсуждают за столом, а муж молчит. Остальное я как-нибудь оценю на месте.

Он принял удар. Не отвёл лица, не повысил голоса.

— Ты не знаешь, о чём говоришь.

— Возможно. Зато я знаю, о чём вы молчите.

Слова вырвались сами, но я не пожалела.

Дариан сделал шаг ближе. От него пахло дымом, снегом и чем-то горьким, незнакомым. Не духами. Не кожей. Силой, которую невозможно было увидеть, но можно было почувствовать у самой границы дыхания.

— В Северном доме есть правила, — сказал он низко. — Не спорь с управляющим в первый же день. Не ходи в закры-

тое крыло. Не открывай комнаты, отмеченные чёрным знаком. И если дети начнут говорить с тобой о том, чего ты не понимаешь, сначала слушай. Потом решай.

Я всмотрелась в его лицо.

Странно.

Это не было похоже на равнодушие.

Скорее на предупреждение человека, который слишком хорошо знает место, куда отправляет другого. И всё равно отправляет.

— Там дети или чудовища? — спросила я.

В его глазах что-то потемнело.

— Дети.

— Тогда почему вы говорите о них так, будто они опаснее взрослых?

Дариан не ответил сразу. За его плечом Ровена медленно повернулась к нам.

— Потому что кровь дракона редко бывает тихой, — сказала она вместо него. — Особенно если её не признали вовремя.

Дариан бросил на неё короткий взгляд, и она замолчала. Но сказанного хватило.

Не признали.

Снова это слово. Снова ниточка, ведущая к чему-то спрятанному в старом доме.

— Удобно, — произнесла я. — Непризнанных детей — на север. Ненужных жён — туда же. У вашего рода, лорд Грайв,

прекрасная система хранения ошибок.

Его лицо стало жёстче.

— Осторожнее, Мирана.

— С чем? С правдой?

Впервые между нами вспыхнуло что-то живое. Не нежность. Не раскаяние. Даже не злость в чистом виде. Столкновение. Как если бы две закрытые двери одновременно распахнулись навстречу друг другу и они ударились краями.

Ровена шагнула ближе, не нарушая приличий.

— Леди Грайв устала. Сегодняшний день был для неё непростым.

Я перевела на неё взгляд.

— Не переживайте за меня, леди Тарр. Это слишком щедро с вашей стороны.

— Я не переживаю, — мягко ответила она. — Я просто умею принимать неизбежное с достоинством. Совет дала бы и вам.

— Оставьте его себе. Вам оно пригодится, когда неизбежное изменит планы.

Её улыбка стала почти ласковой.

— Планы меняются только у тех, кто не умеет ждать.

Дариан резко произнёс:

— Достаточно.

И, конечно, это было обращено к нам обеим.

Не ко мне одной.

Мелочь. Но я заметила.

Он устал от этой сцены. От Совета, от Ровены, от меня, от решений, которые сам же допустил. И всё же усталость не оправдание.

— Я могу идти? — спросила я.

Дариан кивнул.

Я развернулась к двери, но у самого выхода задержалась. Не потому, что хотела сказать что-то красивое. Просто одна мысль ударила поздно и точно.

— В документе написано, что я получаю покои хозяйки, — сказала я, не оборачиваясь.

— Да, — ответил старший советник, который ещё не успел выйти и теперь недовольно остановился.

— Значит, в Северном доме я буду хозяйкой?

Он нахмурился.

— Формально.

Я повернулась.

— Люблю это слово. Оно часто означает, что кто-то надеется оставить себе настоящую власть, а мне дать только видимость. Но я всё равно уточню: распоряжения по дому, слугам и детям будут проходить через меня?

Советник посмотрел на Дариана.

Дариан — на меня.

Ровена больше не улыбалась.

— В пределах разумного, — сказал старший.

— Тогда пусть это внесут в копию документа, которую я заберу с собой.

— Леди Грайв...

— Я еду завтра на рассвете. У вас достаточно времени.

Мне не хотелось выглядеть победительницей. Я ею не была. Меня только что вычеркнули из одного места и отправили в другое, о котором все говорили слишком осторожно.

Но если в этой клетке есть дверь, я хотя бы проверю, где у неё замок.

Старший советник хотел возразить, но Дариан неожиданно сказал:

— Внесите.

Все повернулись к нему.

Он смотрел на меня, и в его лице снова не было ничего простого.

— Если Мирана едет в Северный дом как хозяйка, полномочия должны быть указаны письменно.

От этой поддержки стало не легче. Скорее злее. Потому что он мог говорить. Умел. Имел власть. Просто раньше не использовал её для меня.

— Благодарю, лорд Грайв, — сказала я ровно.

Он едва заметно поморщился от этого официального обращения.

Что ж. Пусть привыкает.

Я вышла из зала, не дожидаясь, пока кто-то передумает.

Коридор за дверью оказался длинным, светлым и совершенно чужим. На стенах висели портреты мужчин и женщин с серебристыми глазами. Дракониий род Грайв смотрел на ме-

ня со всех сторон — строго, оценивающе, будто я и здесь была нарушением порядка.

Я шла медленно, потому что не знала дороги. Но тело, кажется, помнило. Ноги сами повернули к широкой лестнице, потом к галерее, где окна выходили на внутренний двор. Там внизу стоял экипаж с чёрными дверцами. Завтра он увезёт меня на север.

Завтра.

Слово оказалось слишком близким.

Я остановилась у окна и впервые позволила себе выдохнуть не так ровно.

Руки дрожали. Не сильно, но теперь это уже нельзя было списать на чужое тело. Я сжала пальцы в кулаки и посмотрела на кольцо с чёрным камнем.

Жена дракона.

Ссылная хозяйка.

Мирана Лосс Грайв.

Сколько чужого может свалиться на человека за несколько минут?

За спиной тихо скрипнула половица.

Я обернулась.

В коридоре стояла Ровена.

Без свидетелей она выглядела иначе. Всё ещё красивая, всё ещё спокойная, но мягкость исчезла, как тонкая вуаль. Осталось точное, холодное внимание.

— Вы заблудились? — спросила я.

— Нет. Я хорошо знаю этот дом.

— Надеюсь, не слишком хорошо.

Она подошла ближе, но не настолько, чтобы это выглядело угрозой. Ровена умела оставаться в рамках приличий. Наверное, именно поэтому её было опаснее недовольных советников.

— Сегодня вы удивили всех, леди Грайв.

— Даже вас?

— Особенно меня. Обычно люди, проснувшиеся на краю пропасти, хватаются за того, кто стоит рядом.

У меня по спине прошёл тонкий неприятный холод.

Проснувшиеся.

Она сказала это случайно?

Или знала?

Я не отвела взгляда.

— Иногда тот, кто стоит рядом, сам и подтолкнул.

Ровена улыбнулась.

— Вы быстро учитесь.

— Приходится. Здесь хорошие учителя.

Она посмотрела мимо меня, на двор, где слуги уже что-то готовили к отъезду. Слишком быстро. Значит, всё было решено задолго до совета.

— Не тратьте силы на борьбу с главным поместьем, — сказала она. — Оно вас не примет.

— А вы?

— Я принимаю реальность.

— Удобная привычка для тех, кто её создаёт.

Ровена чуть повернула голову. В свете окна её волосы казались тёмной медью.

— Северный дом сломал женщин сильнее вас.

Она произнесла это почти ласково. Без злобы. Как предупреждение, которое доставляет удовольствие.

Я молчала.

— Там стены помнят слишком много, — продолжила она.

— Дети не любят чужих. Слуги не признают слабых. А сам дом... — Ровена сделала паузу. — Он выбирает, кого впустить. И кого оставить.

— Звучит почти гостеприимно.

— Вы шутите, потому что ещё не видели его.

— А вы видели?

На этот раз она ответила не сразу.

И это было первым настоящим ответом.

— Достаточно, чтобы не возвращаться.

Внизу хлопнула дверца экипажа. Где-то за поворотом слышались шаги слуг. Мир продолжал жить так, будто ничего особенного не произошло. Одну жену убирали с доски, другую фигуру готовили подвинуть ближе к королю.

Только я не собиралась быть фигурой.

— Тогда странно, что вы так хотите отправить меня туда, — сказала я.

Ровена снова улыбнулась, но глаза остались неподвижными.

— Я ничего не хочу, леди Грайв. Я лишь не мешаю тому, что должно случиться.

Она прошла мимо меня к лестнице, но у первых ступеней остановилась.

— И ещё, Мирана.

Имя в её устах прозвучало слишком близко, почти как прикосновение к чужой вещи.

Я повернула голову.

Ровена стояла вполоборота, положив ладонь на резные перила.

— В том доме долго не задерживаются. Особенно женщины, которых никто не станет искать.

Она ушла вниз спокойно, не ускоряя шага.

А я осталась у окна и смотрела на чёрный экипаж во дворе.

Завтра он увезёт меня туда, где пропадают ненужные женщины.

И, кажется, кто-то очень надеялся, что я стану следующей.

Глава 2. Бастард у ворот

Я не сразу ушла от окна.

Ровена давно скрылась за поворотом лестницы, её шаги растворились внизу, среди голосов слуг и глухого стука дверей, а я всё ещё стояла, глядя на чёрный экипаж во дворе.

«Женщины, которых никто не станет искать».

Слова не звучали громко. Ровена произнесла их почти ласково, как светскую любезность перед расставанием. Но именно поэтому они не отпускали. Угроза, сказанная шёпотом, иногда опаснее крика: её нельзя выставить напоказ, нельзя бросить обратно при свидетелях, нельзя доказать.

Можно только запомнить.

И сделать вид, что не испугалась.

Я медленно разжала пальцы. На ладони остались четыре тонких следа от ногтей. Чужая кожа, чужая рука, чужое кольцо с чёрным камнем — и моя злость, настоящая, живая.

Нет, леди Тарр. Если вы рассчитываете, что я тихо исчезну в вашем северном доме, придётся вас разочаровать.

За ночь я почти не сомкнула глаз.

Комнаты Мираны оказались красивыми, слишком большими и совершенно безликими. Всё в них говорило о достатке, но не о жизни: тяжёлые шторы, резные шкафы, серебряные подсвечники, аккуратно разложенные ленты и украшения. Как будто здесь жила не женщина, а чья-то обязан-

ность быть женой.

Служанка, испуганная девушка с бледным лицом, собирала сундуки молча. Она то и дело косилась на меня, но не решалась спросить ничего лишнего. Я тоже не задавала вопросов, на которые не знала, как отреагировать. Только выбрала самые тёплые вещи, простые платья, дорожный плащ и бумаги, которые поздно вечером принесли из канцелярии.

В копии документа действительно появилась новая строка: распоряжения по Северному дому, слугам и детям передавались мне «в пределах хозяйственного порядка».

Формулировка оставалась скользкой, но это был крючок. Маленький. Тонкий. Зато мой.

На рассвете у дверей не было ни Совета, ни Ровены.

Дариан ждал во дворе.

Я увидела его издалека, когда спустилась по широким ступеням в серый предутренний свет. Он стоял у экипажа без шляпы, в тёмном дорожном плаще, и разговаривал с высоким мужчиной в форме сопровождения. На меня он посмотрел сразу, будто всё это время знал, в какую секунду я выйду.

Ни извинений.

Ни попытки остановить.

Только этот спокойный, тяжёлый взгляд, от которого хотелось расправить плечи ещё сильнее.

— Леди Грайв, — произнёс он.

Я задержалась на последней ступени.

— Лорд Грайв.

Его глаза едва заметно сузились. Он услышал. Конечно, услышал. Вчера я была «Мирана», жена, которую можно отправить на север. Сегодня он стал для меня официальным лицом, подписавшим приказ.

Между нами поставили сундук. Слуга неловко поклонился и поспешил отойти.

— Дорога займёт почти весь день, — сказал Дариан. — К вечеру доберётесь.

— Благодарю за заботу.

— Это не забота.

— Да, я уже поняла.

Он выдержал паузу. В сером утреннем свете серебристый след у виска казался резче. Не шрам — знак. Что-то родовое, драконье, о чём я пока не знала. Раньше я бы спросила. Но не сейчас.

— Бренн Орс встретит вас у ворот, — произнёс Дариан.

— Он управляющий. Человек тяжёлый, но надёжный.

— Надёжный для кого?

— Для дома.

— Хорошее уточнение.

Губы Дариана чуть дрогнули, но это не было улыбкой.

— Не пытайтесь всё изменить за один день.

— Вчера мне советовали терпение. Сегодня — умеренность. Ваш род очень щедр на советы после того, как принимает решения за других.

Он не отвёл взгляда.

— Северный дом не главное поместье. Там любая ошибка отзывается быстро.

— Тогда странно, что вы отправляете туда женщину, которая, по мнению Совета, ни на что не способна.

Он сделал шаг ближе. Не угрожающе. Скорее так, будто хотел сказать что-то без чужих ушей. Сопровождающие от-
вернулись, делая вид, что проверяют сбрую у лошадей.

— Я не говорил, что вы ни на что не способны.

— Вы просто молча позволили это сказать другим.

Вот теперь он замолчал по-настоящему.

И мне вдруг стало неприятно от собственной правоты. Не жалко его — нет. Просто между нами на миг возникло что-то слишком человеческое. Не глава рода и не ссыльная жена, а мужчина, который понимал, что поступил некрасиво, и женщина, которой от этого понимания не легче.

Дариан вынул из внутреннего кармана сложенный лист.

— Это для Бренна. Он обязан принять ваши распоряжения.

Я не взяла сразу.

— Обязан?

— Да.

— А если не захочет?

— Захочет.

В его голосе прозвучало что-то такое, отчего стало ясно: управляющий, каким бы тяжёлым человеком он ни был, приказ Дариана нарушить не рискнёт.

Я всё же взяла письмо. Наши пальцы почти соприкоснулись. Почти — но этого хватило, чтобы чёрный камень в моём кольце внезапно потеплел.

Я вздрогнула и тут же спрятала руку в складках плаща.

Дариан заметил.

Конечно, заметил.

— Что? — спросила я раньше, чем он успел произнести хоть слово.

— Кольцо отозвалось.

— На что?

Он посмотрел на мою руку, затем снова мне в лицо.

— На дом.

— Мы ещё даже не выехали.

— Северный дом слышит раньше, чем видит.

Прекрасно. Живой дом с дурной репутацией и привычкой заранее присматриваться к людям. Именно этого мне и не хватало для полного счастья.

— Вы всё ещё можете сказать что-то ободряющее, — заметила я.

Дариан помолчал.

— Не отдавайте кольцо никому.

— Это уже ближе к угрозе, чем к поддержке.

— Это предупреждение.

— У вас все предупреждения звучат так, будто опасность не в доме, а в том, что я могу начать задавать вопросы.

На этот раз он посмотрел на меня долго. Слишком долго

для мужчины, который вчера подписал мою ссылку.

— Вопросы иногда опаснее ответов.

— Особенно для тех, кто привык их скрывать.

Дариан хотел что-то сказать, но кучер открыл дверцу экипажа.

Момент закончился.

Я поднялась внутрь сама, не дожидаясь его руки. Поступок мелкий, почти детский, но сейчас мне нужны были любые крошечные доказательства, что я ещё управляю хотя бы собой.

Дариан остался у дверцы.

— Мирана.

Я всё же посмотрела на него.

Он произнёс тише:

— Если дети начнут бояться вас — вы проиграли. Если вы начнёте бояться их — тоже.

— А если они уже давно боятся всех взрослых?

В его лице снова что-то дрогнуло, но ответил он не сразу.

— Тогда слушайте их молчание.

Дверца закрылась.

Экипаж тронулся, и главное поместье Грайв медленно поплыло назад — высокие окна, каменные крылья герба, ступени, на которых стоял Дариан.

Он не ушёл сразу.

Я видела его через стекло, пока двор не скрылся за поворотом.

И только когда поместье исчезло, я позволила себе откинуться на спинку сиденья.

Ну что ж, Мирана Лосс Грайв.

Добро пожаловать в жизнь, где даже ссылка требует поддержки.

Дорога на север оказалась длиннее, чем обещал Дариан.

Сначала за окнами тянулись ухоженные земли рода: ровные дороги, каменные ограды, дома с тёмными крышами, поля, где слуги уже выходили к утренней работе. Потом деревень стало меньше. Лес подступил ближе. Небо опустилось ниже, серое, тяжёлое, с редкими просветами бледного света.

Я не спрашивала сопровождающих, далеко ли ещё. Не хотела видеть в их взглядах жалость или облегчение оттого, что они лишь везут меня, а не остаются там.

К полудню дорога стала хуже. Колёса всё чаще попадали в глубокие выбоины, экипаж покачивался, за стеклом мелькали чёрные стволы деревьев, а воздух будто густел, хотя окна были закрыты.

Кольцо на пальце то остывало, то снова теплело.

Сначала я решила, что мне кажется. Потом положила ладонь на колени и стала следить.

Нет. Камень действительно отзывался. Едва заметно, но живо. Как будто в нём дремала крошечная искра, которая просыпалась всякий раз, когда мы проезжали очередной поворот.

Дом слышит раньше, чем видит.

Замечательно.

Чужая память подбрасывала обрывки: Северный дом очага, младшие ветви, непризнанные дети, старые комнаты, чёрные знаки. Но всё это было словно вырвано из чужого разговора. Смысл ускользал.

К вечеру лес расступился.

Я увидела дом не сразу. Сначала — кованые ворота, высокие, перекошенные, с гербом, на котором драконье крыло почти стерлось от времени. Потом каменную стену, местами потрескавшуюся. И уже за ней — огромное здание, серое, вытянутое, будто вросшее в северную землю.

Это было не поместье.

И не приют, как я представляла.

Северный дом очага походил на старого зверя, который лёг среди леса и притворился мёртвым, но всё равно следил за каждым, кто приближался.

Окна в большинстве были закрыты ставнями. В одном крыле чернела проваленная крыша над галереей. Над главным входом висел потемневший знак очага, но огня на нём не было — только пустая каменная чаша.

Экипаж остановился у ворот.

Никто не вышел встречать.

Кучер неловко кашлянул, спрыгнул вниз и пошёл к створкам. Не успел коснуться железа, как ворота сами с протяжным скрипом поползли внутрь.

Лошади всхрапнули. Один из сопровождающих выругался себе под нос и тут же покосился на меня, будто боялся, что я услышу.

Я услышала.

И сделала вид, что нет.

Экипаж въехал во двор.

На крыльце стояли двое взрослых.

Мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с густой проседью в волосах и лицом, на котором давно поселилась усталость. Он держался прямо, но без придворной выправки. Этот человек не пытался понравиться. Даже не изображал уважение.

Рядом — женщина в тёмном платье с закатанными рукавами и связкой ключей на поясе. Суровая, собранная, с острым взглядом. Она окинула экипаж таким видом, будто заранее знала: ничего хорошего из него не выйдет.

А чуть дальше, у самой стены, стояли дети.

Не рядом. Не дружной группой. Каждый отдельно, будто между ними были невидимые границы.

Девочка лет десяти прижимала к груди потрёпанную куклу. Мальчик помладше прятался за каменной тумбой у лестницы. Двое подростков смотрели исподлобья. Ещё кто-то выглядывал из-за двери и тут же исчезал.

И у самых ворот, не на крыльце, не среди остальных, стоял он.

Худой мальчик в слишком короткой куртке.

Тёмные волосы падали на лоб неровными прядями. Лицо было острым, бледным от северного ветра, но глаза... Я поняла сразу, почему слуги сторонились его. Не потому, что он выглядел злым. А потому, что в его взгляде было что-то нечеловечески яркое.

Серебро с тёмным ободком.

Почти как у Дариана.

Мальчик смотрел на экипаж так, будто тот привёз очередное доказательство: взрослым верить нельзя.

Я вышла сама.

Ступенька оказалась скользкой. Плащ потянул назад, и на миг я потеряла равновесие, но удержалась, ухватившись за дверцу. Сопровождающий дёрнулся помочь, однако я уже стояла ровно.

Мне хватило вчерашнего. Сегодня я не собиралась падать ни перед кем.

Мужчина на крыльце спустился на две ступени.

— Леди Грайв.

Поклон был неглубоким. Ровно настолько, чтобы не называть это оскорблением.

— Бренн Орс? — спросила я.

— Управляющий Северного дома.

— Мирана Лосс Грайв, — сказала я и достала письмо Дариана. — Новая хозяйка. Формально, как любит выражаться Совет. Но в документе есть уточнения.

Бренн посмотрел на письмо так, будто я протянула ему не

бумагу, а горсть пепла.

Он взял, сломал печать, прочёл быстро. Лицо его стало ещё мрачнее.

Женщина рядом с ним не выдержала:

— Хозяйка, значит.

— Если вас это утешит, меня тоже не спросили, — ответила я.

Она подняла брови. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на интерес, но тут же исчезло.

— Марта Глин, старшая по дому.

— Очень хорошо, Марта. Начнём с простого. Где мои покои и где дети ужинают?

Бренн медленно сложил письмо.

— Дети ужинают по комнатам.

— Почему?

— Так спокойнее.

Я посмотрела на двор. На детей, которые стояли далеко друг от друга. На мальчика у ворот, который даже не сделал вид, что слушает вполуха. Он слушал внимательно, зло, всем телом.

— Кому спокойнее? — спросила я.

Бренн нахмурился.

— Леди Грайв, вы только прибыли. Дорога была долгой. В доме заведён порядок.

— Я вижу.

Ветер ударил в ставни. Где-то в глубине дома глухо хлоп-

нула дверь, хотя я не заметила, чтобы кто-то входил или выходил.

Марта бросила короткий взгляд через плечо.

Бренн сделал вид, что ничего не случилось.

Я же посмотрела на закрытые окна.

— А ещё я вижу, что половина дома заколочена, двор пустой, дети встречают новую хозяйку как очередную неприятность, а слуги радуются примерно так, будто им привезли проверку с казнью в конце.

Один из сопровождающих за моей спиной закашлялся, скрывая смех.

Бренн не оценил.

— Здесь не главное поместье. У нас свои правила.

— Мне это уже говорили.

— Тогда начните с того, что не ломайте их в первый же час.

Я могла бы уступить. На самом деле это было бы разумно. Приехать, осмотреться, собрать сведения, понять расстановку сил.

Но дом за моей спиной снова скрипнул. Не как старое дерево на ветру. Иначе. Словно кто-то усмехнулся в тёмном коридоре.

Дети молчали.

Слишком молчали.

И я вдруг ясно поняла: если сейчас уйду в покои, позволю запереть себя среди чужих стен и до утра буду «разумной»,

они окончательно решат, что я такая же, как все до меня.
Приехала, посмотрела, спряталась.

А потом уехала. Или исчезла.

Я повернулась к мальчику у ворот.

— Как тебя зовут?

Он не ответил.

Бренн напрягся.

— Леди Грайв...

— Я спросила его.

Мальчик медленно оттолкнулся от каменной стены. Он был ниже, чем казался из экипажа, но держался так, будто готов был броситься на любого, кто подойдёт слишком близко.

— А вам зачем? — спросил он.

Голос хрипловатый, с явной насмешкой. Не детской. Слишком взрослой для его возраста.

— Чтобы знать, с кем разговариваю.

— Все вы так говорите.

— Кто — все?

Он усмехнулся. Быстро, без радости.

— Взрослые. Новые. Важные. Те, кто приезжает посмотреть, как тут всё плохо, и пообещать, что теперь будет иначе.

Несколько детей опустили глаза. Девочка с куклой прижала её сильнее.

Я сделала шаг к мальчику. Не близко. Ровно настолько, чтобы не говорить через весь двор.

— И что потом?

Он смотрел прямо, не моргая.

— Потом вы сбегаете.

Ветер подхватил край моего плаща. Где-то хлопнула незакрытая ставня. За спиной Марта тихо выдохнула, будто хотела одёрнуть его, но передумала.

Мальчик добавил уже тише, но злее:

— Ты тоже сбежишь. Все сбегают.

Вот оно.

Не дерзость.

Не ненависть.

Проверка.

Он бросил эти слова как камень и ждал, отшатнусь ли я. Начну ли оправдываться. Пообещаю ли ему вечную защиту после десяти минут знакомства. Обиды детей, которых бросали слишком часто, имеют острые края: ими ранят первыми, чтобы не успели ранить их.

Я не стала подходить ближе.

— Возможно, — сказала я.

Бренн резко повернул голову ко мне. Марта застыла. Дети подняли глаза.

Мальчик тоже не ожидал такого ответа.

— Что? — спросил он.

— Я не знаю будущего. Не буду обещать то, что не могу доказать сейчас. Сегодня я приехала. Сегодня я не сбежала. Завтра посмотрим, что ты скажешь вечером.

Он нахмурился, будто я испортила ему привычный порядок разговора.

— Меня зовут Рун.

Имя ударило тихо, но точно.

Рун.

Я не знала его, но что-то в этом имени отозвалось в кольце. Камень едва заметно потеплел, а мальчик вдруг посмотрел на мою руку.

Он заметил тоже.

Наши взгляды встретились.

Серебро в его глазах стало ярче.

Бренн шагнул вниз.

— Рун, достаточно. Вернись в дом.

— Он и так у дома, — сказала я.

Управляющий сжал письмо Дариана в кулаке.

— Леди Грайв, этот мальчик не любит приказов.

— Тогда начнём с того, что не будем отдавать лишних.

Рун прищурился.

— Вы всегда так говорите с теми, кто должен вас слушаться?

— Нет. Иногда хуже.

Девочка с куклой вдруг фыркнула и тут же спрятала лицо в воротник. Марта бросила на неё строгий взгляд, но в уголках её губ что-то дрогнуло.

Впервые за всё время двор перестал быть каменным.

Ненадолго.

Но я почувствовала: щель появилась.

— Где главный зал? — спросила я.

Бренн ответил не сразу.

— За входом. Но он не используется.

— Почему?

— Холодно. Большой. Неудобный.

— Покажите.

— Ваши покои...

— Подождут. Я хочу увидеть зал.

Бренн посмотрел на Марту. Та пожала плечом, будто говорила: сами видите, предупреждали.

Я поднялась на крыльцо.

Двери в Северный дом были тяжёлыми, тёмными, с железными полосами. Когда Бренн толкнул одну створку, петли застонали так, будто их разбудили против воли.

Внутри пахло пылью, сыростью старого камня и давно остывшим очагом.

Я вошла — и дом будто задержал дыхание.

Это было невозможно объяснить. Не ветер, не сквозняк, не звук. Просто пространство вокруг стало внимательным. Стены, лестница, тёмные коридоры, закрытые двери — всё словно смотрело на меня изнутри себя.

На миг захотелось остановиться.

Потом я вспомнила Ровену.

«Он выбирает, кого впустить. И кого оставить».

Ну что ж. Я уже внутри.

Главный зал оказался огромным. Потолок уходил высоко вверх, балки темнели, будто пропитались копотью старых зим. В дальнем конце стоял очаг — широкий, каменный, с резной чашей над ним. В нём тлела пара слабых углей, но тепла почти не было. Окна закрывали ставни, и из-за этого зал казался не просто мрачным, а забытым.

Вдоль стен стояли столы, накрытые старыми полотнами. Несколько лавок были сдвинуты в угол. На полу — следы пыли, будто сюда заходили редко и ненадолго.

Я оглянулась.

Дети столпились у входа, не решаясь пройти дальше. Рун, конечно, стоял отдельно, плечом к косяку, с видом человека, которого всё это не касается. Бренн смотрел на меня с мрачным терпением. Марта — с настороженностью.

Слуги, несколько человек, выглядывали из бокового коридора.

Все ждали, что я скажу.

И я вдруг поняла: сейчас мне не нужна громкая речь. Они слышали их достаточно. Им нужно действие, которое не требует веры заранее.

Я сняла перчатки и положила их на ближайший стол.

— Откройте ставни.

Никто не двинулся.

Я повернулась к Бренну.

— Это был не совет.

Он помрачнел.

— Там заело крепления.

— Тогда начните с тех, что не заело.

— Леди Грайв...

— Бренн, я провела здесь меньше десяти минут и уже поняла, что вы умеете спорить. Теперь хочу узнать, умеете ли вы открывать окна.

Кто-то из слуг тихо охнул.

Марта неожиданно шагнула вперёд.

— Даллан, Керс, вы слышали госпожу? К правой стене. Лиза, принеси тряпки. И не стойте, будто вас к полу приколотили.

Слуги ожили нехотя, но быстро. Двое мужчин подошли к окнам. Старые засовы не поддавались сразу, скрежетали, сыпали пылью, но первая ставня всё-таки распахнулась.

В зал ворвался серый северный свет.

Дети одновременно зажмурились.

Не от яркости — день был пасмурный. Скорее от непривычки.

Потом открыли вторую ставню. Третью.

Пыль в воздухе стала видимой, закружилась тонкими серебристыми нитями. Зал не стал уютным. Нет. Он был слишком большим, слишком запущенным, слишком долго оставленным без заботы. Но теперь хотя бы перестал казаться склепом.

Я подошла к одному из столов и стянула полотно. Пыль взлетела облаком, я отвернулась, пережидая, пока она ося-

дет.

Рун усмехнулся:

— Не похоже на покои хозяйки.

— Зато похоже на место, где можно поставить общий стол.

Бренн напрягся.

— Дети не едят вместе.

— Уже слышала. Сегодня будут.

— Это плохая мысль.

— Возможно. Но я пока слышу только «так не делали раньше». Это не причина.

Марта посмотрела на детей. Потом на меня.

— Они не привыкли, леди.

В её голосе впервые не было сопротивления. Только осторожность.

— Я тоже, — сказала я. — Значит, начнём вместе.

Рун оттолкнулся от косяка.

— А если кто-то не хочет?

— Не заставлю.

— Тогда никто не придёт.

— Посмотрим.

Он фыркнул.

— Вы правда думаете, что открыли пару окон — и всё изменится?

— Нет. Я думаю, что если не открыть даже пару окон, точно не изменится ничего.

Он замолчал.

Не потому, что согласился. Просто на этот раз у него не нашлось мгновенного колкого ответа.

Я повернулась к Марте.

— Что есть на кухне?

— Достаточно для ужина.

— Для общего?

Она помолчала.

— Если растянуть.

— Не надо растягивать. Надо нормально накормить тех, кто здесь живёт.

Бренн тяжело выдохнул.

— Леди Грайв, запасы идут по ведомости. Их доставляют раз в месяц. Если расходовать без расчёта...

— Значит, завтра посмотрим ведомости.

— Завтра?

— Да. Сегодня — зал, ужин и мои покои. Именно в таком порядке.

Я услышала скрип.

Не человеческий.

Где-то над нами, в балках, тихо протянуло дерево. Длинно, настороженно. Потом на противоположной стене сама собой дрогнула дверь, ведущая в боковой коридор.

Дети разом притихли.

Марта побледнела, но всего на миг.

Бренн сказал слишком быстро:

— Сквозняк.

Я посмотрела на закрытые двери. Потом на открытые окна. Сквозняк действительно мог быть. Только почему-то мне показалось, что дом не возмущался.

Он слушал.

— Хорошо, — сказала я в сторону тёмной двери. — Я тоже пока присматриваюсь.

Рун резко поднял голову.

— Вы с ним говорите?

— А он со мной нет?

Мальчик смотрел теперь иначе. Не мягче. Но внимательнее.

— Обычно взрослые делают вид, что ничего не слышат.

— Удобный способ не отвечать.

За моей спиной снова скрипнуло. На этот раз тише, почти одобрительно.

Может, мне показалось.

А может, нет.

Работа началась не сразу, а с недовольства. Слуги двигали лавки, ворчали, перетаскивали полотна, вытряхивали пыль во дворе. Марта распоряжалась резко, но толково. Бренн сначала стоял с видом человека, который наблюдает за пожаром и уже прикидывает ущерб, потом всё-таки снял плащ и сам помог сдвинуть один из тяжёлых столов ближе к очагу.

Дети не помогали. Не мешали тоже. Просто наблюдали.

Я не требовала. Рано.

Девочка с куклой оказалась ближе всех. Она стояла у стены, переминаясь с ноги на ногу, пока я пыталась снять застрявший крючок со старой занавеси.

— Хочешь помочь? — спросила я.

Она вздрогнула.

— Я не умею.

— Я тоже. Будем делать вид, что умеем, пока не получится.

Девочка посмотрела на меня, потом на занавесь.

— Её надо сначала приподнять. Там кольцо криво сидит.

— Как тебя зовут?

— Ника.

— Тогда, Ника, у нас с тобой есть важное дело. Ты говоришь, где кольцо, я притворяюсь сильной хозяйкой.

Она не улыбнулась открыто, но глаза стали чуть живее.

С её подсказкой занавесь удалось снять. Старая ткань рухнула мне на плечо, подняв новую волну пыли. Я кашлянула и отступила, а Ника вдруг прикрыла рот ладонью, явно борясь со смехом.

Рун из дверей бросил:

— Сильная хозяйка проиграла занавеске.

— Зато занавеска больше не висит.

— Великое достижение.

— Запиши в летопись дома.

Он отвернулся, но я успела заметить: уголок его рта дрогнул.

Маленькая победа. Очень маленькая. Но я взяла и её.

К ужину зал изменился.

Не стал красивым, нет. До красоты ему было далеко. Но столы стояли в центре, лавки вытерли, очаг разожгли сильнее, и в воздухе наконец появился не только запах старой пыли, но и что-то живое: горячий хлеб, тушёные овощи, дым от сухих поленьев.

Я нарочно села не во главе стола.

Марта заметила.

— Леди Грайв, ваше место...

— Моё место там, где я сяду. Сегодня — здесь.

Я выбрала лавку сбоку, достаточно близко к детям, но не так, чтобы нависать над ними. Бренн нахмурился, однако спорить не стал. Марта поставила передо мной тарелку, потом распорядилась, чтобы остальные сели.

Первые минуты были мучительными.

Дети входили по одному, как в зал суда. Ника села не рядом со мной, но недалеко. Мальчик, который прятался за тумбой, устроился рядом с ней и всё время поглядывал на очаг. Подростки заняли дальний край стола. Рун не сел вообще.

Он стоял у двери.

Конечно.

— Ты ужинаешь? — спросила я, не повышая голоса.

— Нет.

— Не любишь общий стол?

— Не люблю притворяться.

— В чём?

— Что мы все тут семья.

Несколько детей замерли.

Бренн открыл рот, но я подняла руку, останавливая его.

— Я тоже не люблю притворяться, — сказала я. — Поэтому мы не семья. Пока нет. Просто люди, которые сегодня едят в одном зале.

Рун посмотрел на стол.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

Он всё ещё не двигался.

Я не стала звать второй раз. Взяла ложку и начала есть. Марта села у края стола после короткого колебания. Бренн остался стоять, но потом тоже опустился на лавку, словно это было для него испытанием не меньше, чем для детей.

Разговор не пошёл. И хорошо. Не всякая тишина плохая. Иногда людям нужно привыкнуть к тому, что рядом с ними никто не требует, не ругает и не ждёт подвоха.

Через несколько минут Рун всё-таки подошёл.

Не ко мне.

К самому дальнему краю стола.

Сел боком, будто в любую секунду готов был вскочить. Тарелку придвинул к себе молча. Никто не сказал ни слова. Даже Марта сделала вид, что занята кувшином.

Я тоже не смотрела на него слишком долго.

Только кольцо снова потеплело.

И очаг вдруг вспыхнул ярче.

Пламя поднялось на одно мгновение, мягко осветило лица детей, каменные стены, старые балки. В зале стало теплее. Не сильно, но ощутимо. Элвин — тот самый младший мальчик, как я позже узнала, — тихо выдохнул и придвинулся ближе к столу.

Бренн смотрел на очаг с таким выражением, будто увидел невозможное.

— Что? — спросила я негромко.

Он ответил не сразу.

— Давно так не горел.

— Может, дрова хорошие.

Марта покосилась на меня.

— Дрова те же.

Рун поднял глаза от тарелки.

— Это он вас проверяет.

— Очаг?

— Дом.

Слово прозвучало так, будто речь шла не о стенах и крыше, а о живом существе с характером хуже, чем у всех советников вместе взятых.

— И как, по-твоему, я справляюсь?

Рун пожал плечом.

— Пока вы открыли окна, притащили всех в зал и разозлили Бренна.

— Последнее, кажется, несложно.

На этот раз тихий смешок раздался с дальнего края стола. Один из подростков тут же опустил голову, но было поздно. Марта с трудом сохранила строгое лицо.

Бренн мрачно сказал:

— Рад быть полезным для домашнего веселья.

— Видите, — сказала я. — У каждого нашлась роль.

Это не было счастьем. Даже близко. Но зал дышал иначе. Дети ели. Слуги двигались уже без прежней обречённости. Огонь не гас. Дом не хлопал дверями.

И я впервые за сутки подумала, что, возможно, ссылка не обязана стать могилой.

Возможно, её действительно можно превратить во что-то другое.

После ужина Марта сама повела меня к покоям хозяйки.

Мы поднялись на второй этаж по широкой лестнице, прошли галерею, где окна были закрыты плотными ставнями, затем свернули в коридор с потемневшими портретами. Некоторые рамы висели криво. На нескольких дверях я заметила чёрные метки — выжженные круги с тонкой линией поперёк.

Я остановилась.

— Это те самые комнаты, которые нельзя открывать?

Марта проследила за моим взглядом.

— Лорд предупредил?

— Да.

— Значит, не открывайте.

— А что там?

Она поджала губы.

— Старое крыло. Плохая память дома.

— Очень подробный ответ.

— Другого сегодня не будет, леди.

Я могла надавить. Но в её голосе не было вызова. Скорее просьба оставить этот разговор до времени.

Сегодня действительно хватало.

Мои покои оказались в конце коридора. Большая комната, камин, кровать с тёмным пологом, стол у окна, шкаф, зеркало с чуть потемневшим серебром. Здесь было чище, чем внизу, но всё равно чувствовалось: комнатой давно не пользовались.

Марта зажгла свечи.

— Вода принесена. Сундуки поставили в гардеробной. Если что понадобится, позвоните.

Она показала на шнур у стены.

— Спасибо.

Женщина кивнула и уже собиралась выйти, но остановилась.

— Не принимайте близко слова мальчишки.

— Руна?

— Он колючий не от злости.

— Я поняла.

Марта посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Многие говорили так в первый день.

— А на второй?

— На второй начинали держаться подальше.

Я подошла к окну. Ставни здесь были открыты, за стеклом темнел двор. У ворот мелькнула маленькая фигура. Рун. Даже после ужина он не ушёл к себе, а снова стоял там, где встретил меня.

Как страж.

Или как пленник, который привык проверять, не открылась ли дорога наружу.

— Я не обещаю, что всё сделаю правильно, Марта, — сказала я. — Но держаться подальше от детей в доме, куда меня отправили хозяйкой, было бы странно.

— Хозяйкой, — повторила она тихо.

Не насмешливо. Скорее пробуя слово на вкус.

Потом поклонилась и вышла.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Только теперь усталость навалилась всей тяжестью. Не дорожная, не телесная — другая. За один день я успела проснуться в чужом мире, стать женой дракона, подписать собственную ссылку, получить в распоряжение дом, который, возможно, был живым, и сесть ужинать с детьми, которые не верили никому.

Я медленно сняла кольцо.

Вернее, попыталась.

Оно не сдвинулось.

Я потянула сильнее. Камень потемнел, внутри мелькнула искра, и по пальцам прошла тёплая волна — не обжигающая, но настойчивая.

— Поняла, — пробормотала я. — Не отдавать никому. Снимать, видимо, тоже нельзя.

В ответ где-то за стеной тихо скрипнуло.

Я замерла.

Скрип повторился. Потом щёлкнул замок.

Не у входной двери.

У моей.

Я резко обернулась.

Ручка медленно повернулась сама собой — не открывая дверь, а наоборот, словно запирая её изнутри. Затем в замочной скважине провернулся ключ, которого я не видела.

Тихо.

Окончательно.

Я подошла к двери и дёрнула.

Заперто.

— Очень гостеприимно, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы же вроде неплохо начали.

Свечи дрогнули.

Одна погасла.

Потом вторая.

Комната не погрузилась во тьму полностью: за окном серел поздний северный вечер, камин давал слабое свечение.

Но углы стали глубже, зеркало у стены — темнее, а воздух вдруг наполнился тем самым вниманием, которое я почувствовала при входе.

Дом был здесь.

Не где-то в стенах вообще. Не в коридорах. Здесь, со мной.

Я медленно отступила к столу. Не потому, что собиралась прятаться. Просто там лежал подсвечник, а тяжёлые предметы успокаивают даже тогда, когда не помогают.

На стекле окна выступил первый тонкий след.

Сначала я решила, что это иней. Но линии ложились слишком ровно. Одна за другой, будто невидимый палец писал снаружи по холодной поверхности.

Я подошла ближе, хотя всё внутри требовало остаться на месте.

Буквы проступали медленно.

Неровные.

Глубокие.

И от каждой у меня по спине тянуло холодом.

«Хозяйка или жертва».

Я перестала дышать.

На стекле появилась последняя строка.

«Выбирай».

Глава 3. Очаг проснулся

Я смотрела на слова на стекле и не сразу поняла, что сжимаю подсвечник так крепко, будто собираюсь отбиваться от собственных стен.

Буквы не исчезали. Наоборот, становились темнее, словно стекло промерзло изнутри, хотя в комнате не было ледяного ветра. За окном стоял двор, серый в поздних сумерках, пустой, только у ворот больше не видно было Руна.

Ушёл.

И почему-то это меня задело сильнее, чем запертая дверь.

Я медленно опустила подсвечник на стол. Металл тихо стукнул о дерево, и звук получился слишком громким для этой комнаты.

— Значит, разговаривать всё-таки умеешь, — сказала я.

Свеча у камина дрогнула. Не погасла. Просто наклонила язычок пламени в сторону окна, будто кто-то беззвучно усмехнулся.

Я могла бы закричать. Позвать Марту, Бренна, любого слугу. Дёргать ручку, стучать в дверь, доказывать старым стенам, что я живая женщина, а не мышь в ловушке.

Но внизу сегодня за одним столом впервые сидели дети, которые слишком хорошо знали, как выглядит испуганный взрослый. Если я сейчас подниму шум, утром весь дом будет знать: новая хозяйка не выдержала первой же ночи.

А дом, судя по всему, именно этого и ждал.

Я подошла к окну ближе и провела пальцем рядом с буквами, не касаясь стекла. От него тянуло сухим холодом. Не зимним — другим, старым, как закрытая комната, где годами никто не смеялся.

— Я не буду жертвой, — произнесла я тихо. — Но если ты ждёшь, что я прямо сейчас стану хозяйкой, размахивая подсвечником и приказами, придётся разочаровать. Я здесь первый вечер. Я не знаю твоих коридоров, твоих правил и того, кого ты прячешь за чёрными дверями.

Где-то в стене прошёл шорох. Негромкий, но отчётливый. Я замолчала, прислушиваясь.

Шорох повторился уже ближе к полу, будто кто-то провёл ногтями по дереву с другой стороны стены. Потом щёлкнуло.

Не замок.

Засов на окне.

Одна створка сама собой приоткрылась ровно на палец. В комнату вошёл узкий поток холодного воздуха и принёс запах дыма, сырого камня и чего-то ещё — едва уловимого, горьковатого.

Мне показалось, будто дом выдохнул.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, ты не пытаешься меня напугать. Допустим, ты проверяешь, стану ли я думать.

На стекле буквы начали таять. Не сразу. Сначала исчезла последняя точка у слова «выбирай», потом тонкие края букв, затем вся фраза распалась на мутные разводы. Через

минуту на окне осталось только моё отражение: бледное лицо, тёмные волосы, чужие глаза, в которых я всё чаще узнавала себя.

За дверью раздался тихий звук.

Не шаги взрослого.

Осторожное шлёпанье босых ног по коридору.

Я обернулась.

Ручка была неподвижна. Замок по-прежнему закрыт. Но звук снаружи повторился — быстрый, едва слышный, будто кто-то пытался пройти мимо и не расплакаться.

Я подошла к двери.

— Кто там?

Тишина.

Потом очень тихий вдох.

Детский.

Я легонько тронула ручку.

— Если ты меня запер, — сказала я уже дому, — то будь добр, объясни, как мне открыть.

Ответом стало молчание.

Я нахмурилась.

— Очень зрелое поведение для древней магии очага.

В замке щёлкнуло.

Дверь не распахнулась сама, не скрипнула зловеще, не устроила представление. Просто перестала быть запертой, и от этого стало даже тревожнее. Дом не пугал бессмысленно. Он показывал.

Я открыла дверь.

Коридор встретил полумраком. Свечи в настенных держателях горели через одну, длинные тени от рам и дверных наличников ложились на пол неровными полосами. На дальней стене чернели те самые метки старого крыла, но звук шёл не оттуда.

Слева.

Там, где лестница спускалась к галерее.

Я сделала шаг и остановилась. Вышла из своей комнаты босиком, в дорожном платье, с распущенными после долгого дня волосами. Ни плаща, ни свечи, ни понимания, куда идти. Зато с кольцом, которое снова потеплело, будто одобрило мою глупость.

— Только без закрытых дверей за спиной, — предупредила я дом. — Договорились?

Дверь моих покоев тихо прикрылась, но не захлопнулась. Можно было считать это согласием.

Я пошла на звук.

Коридор ночью казался длиннее. Вечером, с Мартой рядом, он был просто старым и недружелюбным. Теперь же каждая рама на стене, каждый выступ камня, каждая тёмная щель между досками будто имели собственное мнение о моём присутствии.

На третьем повороте одна из свечей погасла прямо передо мной.

— Не смешно, — сказала я.

Соседняя вспыхнула ярче.

Я посмотрела на неё.

— Так лучше.

Где-то внизу всхлипнули.

Теперь уже отчётливо.

Я ускорила шаг, спустилась по узкой боковой лестнице и оказалась в коридоре первого этажа, которого днём не видела. Здесь было прохладнее. Двери по обе стороны закрыты, но ни на одной не было чёрного знака. В конце коридора слабо светлел проём — кажется, туда вела дверь к кухонному крылу.

Всхлип повторился за ближайшей кладовой.

Я осторожно открыла дверь.

Внутри пахло деревом, старой тканью и пылью. Узкое помещение было забито лишними стульями, сломанными рамами, свёрнутыми коврами. В самом дальнем углу, между перевёрнутым креслом и пустым сундуком, сидел Элвин.

Маленький мальчик, который вечером прятался рядом с Никой и придвигался к очагу, когда пламя стало теплее.

Теперь он сидел, обхватив колени руками, и старался плакать без звука. Получалось плохо.

При виде меня он испуганно дёрнулся и попытался вжаться в стену.

— Не подходите!

Я остановилась на пороге.

— Не подхожу.

Он шумно втянул воздух и отвернулся, будто этого достаточно, чтобы исчезнуть.

— Ты Элвин? — спросила я.

Он не ответил, но плечи дрогнули.

— Я Мирана.

— Я знаю, — буркнул он.

— Уже хорошо. Значит, мы оба знаем, кто здесь кто.

В углу что-то тихо щёлкнуло. Я опустила взгляд и увидела у его ног маленькие светящиеся искры. Они не горели по-настоящему, не трогали дерево и ткань. Просто вспыхивали и гасли, как крошечные золотые мошки.

Элвин заметил, куда я смотрю, и быстро накрыл ладонями колени.

— Я не хотел.

— Верю.

Он вскинул на меня глаза.

— Вы не знаете, что я сделал.

— Не знаю, — согласилась я. — Поэтому не спешу ругаться.

Эта простая мысль, кажется, удивила его даже больше, чем моё появление.

Я медленно села на пол у двери, оставив между нами достаточно места. Камень был холодным, платье тут же неприятно натянулось на коленях, но стоять над ребёнком сейчас было бы глупо.

— Кто-то тебя обидел? — спросила я.

Элвин покачал головой.

— Сам пришёл?

Кивок.

— Спрятался?

Ещё один.

— От кого?

Он посмотрел на свои ладони. Между пальцами снова просочилась искра и тут же исчезла.

— От всех.

Очень знакомое желание. Спрятаться от всех. От Совета, от мужа, от женщины с ласковыми угрозами, от дома, который пишет на стекле неприятные вопросы.

Я не стала говорить, что понимаю. Взрослые слишком легко присваивают чужую боль красивыми словами. Вместо этого спросила:

— Из-за искр?

Элвин сжал ладони крепче.

— Они появляются, когда я злюсь. Или когда страшно. Марта говорит, чтобы я считал до десяти. Бренн говорит, чтобы я не сидел близко к занавескам. Рун говорит, что если кто-нибудь будет ругаться, надо плюнуть ему под ноги и уйти.

— У Руна своеобразный подход к воспитанию.

Элвин тихо шмыгнул носом, почти улыбнувшись, но тут же снова стал серьёзным.

— Ника сказала, что вы не сбежите сегодня.

— Сегодня точно нет. Дверь, правда, пыталась внести разнообразие, но мы договорились.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вы с ним правда разговариваете?

— С домом? Да.

— И он отвечает?

— Пока в основном дверями, свечами и неприятными надписями.

Элвин замер.

— Он вам тоже написал?

Я не шелохнулась.

— Тоже?

Мальчик быстро опустил глаза, будто проговорился.

Вот она. Первая нитка.

Я не потянула резко.

— Что он написал тебе? — спросила я спокойно.

Элвин молчал так долго, что я уже решила не давить. Но потом он едва слышно произнёс:

— «Не бойся света».

У меня внутри что-то тихо сжалось.

Не угроза.

Не приказ.

Не «хозяйка или жертва».

Ребёнку дом написал совсем другое.

Я посмотрела на его сжатые ладони.

— А ты боишься?

Он кивнул.

— Когда они появляются, все смотрят.

— Сейчас смотрю только я. И дверь. Но дверь, по-моему, сегодня вообще слишком любопытная.

За спиной тихо скрипнула петля.

Элвин вдруг поднял голову и прислушался. Потом прошептал:

— Он не злится.

— Дом?

— Угу.

— Хорошо. Значит, нас здесь пока терпят.

— Он вас проверяет.

— Все меня сегодня проверяют. Было бы странно, если дом отстал.

Элвин совсем чуть-чуть расслабил плечи.

Я протянула руку ладонью вверх и положила её на пол между нами. Не близко к нему. Просто показала, что ничего не держу.

— Я не знаю, как работают твои искры, — сказала я. — И не буду делать вид, что знаю. Но если они появляются от злости или страха, может, попробуем не запрещать им быть, а понять, когда они приходят?

Он нахмурился.

— А если они испортят что-нибудь?

— Тогда вместе уберём. Или починим. Или Бренн будет ворчать, а мы сделаем вид, что раскаялись.

Элвин моргнул. Потом совсем тихо спросил:

— А вы не отдадите меня в старое крыло?

Слова ударили неожиданно.

Я не сразу ответила. Не потому, что сомневалась, а потому что почувствовала: за этим вопросом стоит не детская выдумка. Страх был слишком точным.

— Кто сказал, что тебя можно туда отдать?

Элвин закусил губу и молчал.

— Рун?

Он быстро покачал головой.

— Бренн?

Снова нет.

— Марта?

— Она не стала бы.

Значит, кто-то другой. Кто-то приезжал. Кто-то говорил с детьми так, чтобы взрослые потом не слышали.

Я запомнила.

— Элвин, посмотри на меня.

Он поднял глаза не сразу.

— Сегодня я не знаю всех правил этого дома, — сказала я. — Но одно правило могу установить прямо сейчас: детей не запирают в старых крыльях за то, что они испугались.

— А если Совет велит?

Вопрос был слишком взрослый.

— Тогда Совет сначала поговорит со мной.

— Они важные.

— А я, как выяснилось, очень упрямая.

Он смотрел внимательно, будто пытался понять, не обещаю ли я слишком много. Я не добавила ни слова. Пусть останется только то, что могу удержать.

Спустя несколько секунд Элвин осторожно вытащил одну руку из-за колен. На кончиках его пальцев дрожали две маленькие искры. Он смотрел на них, как на провинившихся зверьков.

— Они красивые, — сказала я.

Он резко поднял голову.

— Правда?

— Правда. Только, наверное, им тоже нужны правила.

Искры погасли не сразу. Сначала стали мягче, затем растворились, оставив на его пальцах слабое золотистое мерцание. Элвин медленно выдохнул.

Из коридора слышались быстрые шаги.

— Элвин? — позвала Ника тревожным шёпотом. — Элвин, ты здесь?

Я не успела ответить, как в дверях показалась девочка с куклой. Увидев меня на полу, она застыла так, будто поймала хозяйку дома за чем-то совершенно неприличным.

— Леди Грайв...

— Мы обсуждаем домашние правила, — сказала я. — И, кажется, пыльный пол. Он проигрывает.

Ника перевела взгляд на Элвина. Тот смутился и буркнул:

— Я сам.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Просто ты долго не возвращался.

За её спиной возник Рун.

Разумеется.

Он стоял в коридоре, босой, в слишком большой рубашке и с таким выражением лица, будто нашёл меня на месте преступления.

— Что вы с ним делаете?

— Сiju.

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Его глаза блеснули.

— Взрослые редко сидят на полу просто так.

— Может, я плохо знаю местные приличия.

Рун посмотрел на Элвина.

— Он опять?

Элвин сжал плечи.

— Не опять, — вмешалась я. — Просто не спал.

Рун перевёл взгляд на меня. В нём было недоверие, но уже не такое острое, как у ворот. Теперь там появилась осторожная злость человека, который привык защищать младших раньше, чем кто-то попросит.

— Если Бренн узнает, он начнёт запираť кладовые.

— Бренн узнает, что в доме дети ходят ночью по коридорам, потому что им страшно. И мы решим, что с этим делать.

— Вы всё решаете?

— Пока пробую.

— Дом не любит, когда пробуют.

В коридоре дрогнул свет. Одна свеча вспыхнула ярче, словно возмутилась за себя.

Я посмотрела на неё.

— Дом сегодня вообще много о себе думает.

Рун вдруг усмехнулся. Быстро, почти незаметно, но я увидела.

Ника помогла Элвину подняться. Он сначала колебался, потом осторожно подошёл ко мне и, не глядя в глаза, протянул маленькую ладонь.

Я взяла её, чтобы подняться. Его пальцы были тёплыми, даже слишком, но я не сказала об этом. Когда встала, он сразу отступил к Нике.

— Спасибо, — пробормотал он.

— За что? Мы же просто сидели на полу.

Он кивнул, будто именно это и было важным.

Рун проводил его взглядом, потом снова посмотрел на меня.

— Вы не сказали Марте.

— Ещё скажу. Но не так, чтобы Элвин решил, будто его предали.

Рун молчал.

— Ты знаешь, кто пугает детей старым крылом? — спросила я.

Его лицо мгновенно закрылось.

— Все знают про старое крыло.

— Я спросила не это.

— А я не обязан отвечать.

— Верно.

Он явно ждал нажима, но я прошла мимо, оставив вопрос висеть между нами. Ника увела Элвина к лестнице. Рун остался у стены, наблюдая за мной.

— Вы правда не полезете туда? — спросил он вдруг.

Я остановилась.

— В старое крыло?

— Угу.

— Сегодня — нет.

— А потом?

Я посмотрела на чёрные тени в конце коридора, где начались закрытые двери.

— Потом сначала пойму, почему все так боятся, что я туда полезу.

Рун смотрел пристально. И мне показалось, что он хочет что-то сказать. Почти решился. Но в последний момент только фыркнул:

— Умная, да?

— Иногда. Не привыкай.

Он отвернулся, но не ушёл, пока я не поднялась обратно по лестнице.

На этот раз дверь моих покоев не сопротивлялась.

Более того — когда я вошла, свечи горели ровно, окно

было чистым, а на столе лежал мой подсвечник, хотя я точно оставляла его у самого края. Его передвинули ближе к центру, словно кто-то аккуратно убрал опасный предмет подальше от падения.

— Заботливый упрямец, — сказала я комнате.

В ответ за стеной тихо, почти довольно, скрипнула доска.

Спала я мало, но крепко.

Проснулась от стука.

Не зловещего, не магического — обычного, делового, в дверь.

— Леди Грайв? — голос Марты звучал осторожно. — Вы проснулись?

— Уже да.

Я села на кровати и несколько секунд вспоминала, где нахожусь. Северный дом. Запертая дверь. Надпись на стекле. Элвин в кладовой. Рун в коридоре.

И ещё ясное ощущение: дом ночью не просто проверял меня. Он показал, где больно.

Я поднялась, привела себя в порядок так быстро, как позволяли чужие пуговицы и непривычные завязки. Когда открыла дверь, Марта стояла с подносом, а за её спиной маячил Бренн, мрачнее вчерашнего.

— Доброе утро, — сказала я. — Судя по вашим лицам, оно уже что-то испортило.

Марта осторожно вошла, поставила поднос на стол.

Бренн остался на пороге.

— В главном зале открыты все ставни, — сообщил он.

— Чудесно. Меньше работы на сегодня.

— Их никто не открывал.

Я замерла с чашкой в руках.

Марта не смотрела на меня. Бренн смотрел слишком внимательно.

— Все? — уточнила я.

— Все, кроме западных. Там крепления сгнили.

— Значит, дом решил продолжить начатое.

Бренн нахмурился.

— Леди, с домом лучше не играть.

— Я не играю.

— Тогда зачем ночью ходили по нижнему коридору?

Вот так.

Быстро у вас здесь новости расходятся.

— Потому что один ребёнок сидел в кладовой и пытался плакать так, чтобы никто не услышал.

Марта подняла глаза.

— Элвин?

— Да.

На её лице мелькнула тревога, но она тут же спрятала её за привычной строгостью.

— Он часто...

— Марта, — перебила я мягко. — Не надо сейчас объяснять, как обычно бывает. Я уже поняла, что слово «обычно» здесь слишком долго заменяло слово «правильно».

Она сжала губы, но не возразила.

Бренн прошёл в комнату без приглашения, потом вспомнил о приличиях и остановился.

— Если вы начнёте поднимать ночью весь дом из-за каждого детского испуга, к утру здесь никто не будет держаться на ногах.

— А если делать вид, что никто не плачет, все будут прекрасно высыпаться и дальше бояться темноты по углам?

Он нахмурился сильнее.

— Вы не знаете, что здесь было до вас.

— Верно. Поэтому сегодня после завтрака вы мне расскажете.

— Не всё можно рассказывать.

— Тогда начнёте с того, что можно. Сколько детей в доме? Кто за что отвечает? Какие комнаты закрыты и почему? Где кладовые? Какие окна не открываются? Где крыша течёт? Почему дети едят по комнатам? Кто приезжал сюда за последний год? И кто пугал Элвина старым крылом?

С каждым вопросом лицо Бренна становилось тяжелее.

Марта же вдруг отвернулась к окну, но я успела заметить: последний вопрос попал.

— Я не допрашиваю вас, — сказала я уже тише. — Я пытаюсь понять место, за которое вчера поставила подпись. Если вы хотите, чтобы я не наломала дров, мне нужны не вздохи и запреты, а сведения.

Бренн посмотрел на Марту. Та едва заметно кивнула.

— После завтрака, — сказал он. — Внизу.

— В главном зале.

Он поморщился.

— Раз уж он сам открыл ставни.

Когда они ушли, я подошла к окну.

Стекло было чистым. Ни следа ночных слов. Только внизу двор, серое утро и дети, которые уже выходили из боковой двери. Ника держала Элвина за руку. Рун стоял чуть дальше, прислонившись к стене, и смотрел вверх.

На моё окно.

Я подняла руку.

Не помахала. Просто показала, что вижу.

Рун тут же отвернулся.

Но ушёл не сразу.

Завтрак прошёл тише, чем ужин, но уже не так мучительно. Ника села почти на то же место, что вчера. Элвин прятался меньше, хотя всё равно держался ближе к ней. Рун снова выбрал дальний край стола, но на этот раз пришёл сам, без моего вопроса.

Бренн заметил. Марта заметила. Я сделала вид, что нет.

Иногда самое важное лучше не спугнуть.

После завтрака началась настоящая работа.

И тут выяснилось, что Северный дом не просто запущен. Он жил по привычке выживания.

Кладовые были закрыты на три замка, ключи хранились у Марты, Бренна и, почему-то, у старшего конюха. Запасы

записывались в ведомости, но половина записей делалась так небрежно, что я не понимала, это халатность или чья-то удобная слепота. В бельевой не хватало простыней для детских комнат, зато в запертом шкафу лежали парадные ска-терти с гербом Грайв, которыми никто не пользовался годами. В детском крыле три окна не открывались, две двери за-едали, а в самой большой комнате стояли лишние кровати, потому что когда-то сюда привезли больше детей, чем дом мог принять.

Когда-то.

Это слово звучало слишком часто.

— Сколько сейчас детей? — спросила я, глядя на список.

Мы сидели в малой комнате рядом с залом. Бренн положил передо мной книги учёта, Марта принесла ключи и теперь стояла у стены, будто готовилась отбивать их обратно в случае моего безумия.

— Девять, — ответил Бренн.

— Имена.

Он назвал. Ника, Элвин, Рун, двое подростков — Арс и Тевин, близнецы Мэл и Сарра, маленькая Лотта и мальчик постарше по имени Йорен, который вчера почти не показывался.

— Возраст?

Бренн перечислил.

— Почему они здесь?

— У каждого своя причина.

— Я не прошу пересказывать чужую боль за один раз. Но мне нужно знать хотя бы главное, чтобы не наступать вслепую.

Марта тихо сказала:

— Большинство — из младших ветвей. У кого-то род отказался от прав. У кого-то кровь проявилась слишком поздно. У кого-то слишком рано.

Я скользнула взглядом по списку.

— А Рун?

Комната заметно стала тише.

Бренн закрыл книгу ладонью.

— Рун под особым распоряжением рода Грайв.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Нет или вы не можете его дать?

Он смотрел прямо.

— Не могу.

Вот и всё. Не хочет — звучало бы иначе. Боится — тоже. Бренн был не из робких. Значит, запрет шёл сверху.

От Дариана?

От Совета?

Или от самого дома?

Я не стала давить. Пока.

— Хорошо. Тогда хозяйственные вопросы. С сегодняшнего дня дети ужинают в общем зале, если сами не откажутся. Завтрак — тоже. Обед пока оставим как есть, чтобы не

менять всё сразу. Закрытые комнаты без моего ведома не открывать. Детское крыло осмотреть. Список поломок составить до вечера.

Бренн смотрел на меня с выражением человека, которому предлагают переставить гору ложкой.

— Людей не хватит.

— Значит, распределим обязанности.

— Дети не прислуга.

— Я и не предлагаю делать их прислугой. Но убрать свою комнату, принести книги в зал, помочь накрыть на стол, проветрить, где дует из окон, — это не рабство. Это жизнь в доме.

Марта впервые за утро чуть кивнула.

Бренн заметил и помрачнел.

— Вы хотите дать им дела?

— Я хочу дать им ощущение, что они здесь не временно сваленные вещи.

В углу тихо щёлкнуло.

Мы все повернулись.

Дверца маленького шкафа, которую никто не трогал, открылась. На пол выпал старый свёрнутый лист, перевязанный потемневшей лентой.

Бренн побледнел.

Я встала.

— Это тоже сквозняк?

Он не ответил.

Марта быстро шагнула вперёд, но я оказалась ближе. Под-

няла свёрток. Бумага была плотной, желтоватой от времени. На ленте — тот же знак очага, только линия крыла на нём была не стёртой, а чёткой.

— Не открывайте, — сказал Бренн.

Слишком резко.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Это старая опись.

— Тогда она нам как раз пригодится.

— Леди Грайв.

В его голосе впервые появилась не злость. Почти просьба.

Я задержала пальцы на ленте и медленно положила свёрток на стол, не разворачивая.

— Хорошо. Не сейчас.

Бренн выдохнул так, будто я отступила от края пропасти.

А дом за стеной недовольно скрипнул.

— Но потом, — добавила я. — Всё, что дом сам бросает мне под ноги, рано или поздно придётся поднять.

Марта перекрестила на груди руки.

— Вы быстро это поняли.

— У меня хороший учитель. Пишет на окнах крупно.

Она резко подняла взгляд.

Бренн тоже.

Секунду они молчали.

— Что именно он написал? — спросила Марта.

Я могла бы уйти от ответа. Но если требую правды от них,

мне придётся хотя бы иногда платить тем же.

— «Хозяйка или жертва. Выбирай».

Марта побледнела.

Бренн медленно сел, хотя до этого стоял.

— Что? — спросила я.

Он провёл ладонью по лицу.

— Последний раз дом писал это прежней хозяйке.

— Прежней?

Марта резко посмотрела на него.

Поздно.

Слово уже прозвучало.

— Я думала, здесь давно не было хозяйки, — сказала я.

Бренн молчал.

— Была, — ответила Марта вместо него. — Недолго.

В комнате стало слишком тесно.

— И что с ней случилось?

Марта сжала связку ключей так, что металл звякнул.

— Она выбрала неправильно.

Бренн поднялся.

— На сегодня достаточно разговоров о прошлом. Если хотите менять дом, начните с настоящего. Иначе старые стены сожрут весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.